

Книги Александра Рудацова,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ
БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАСКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

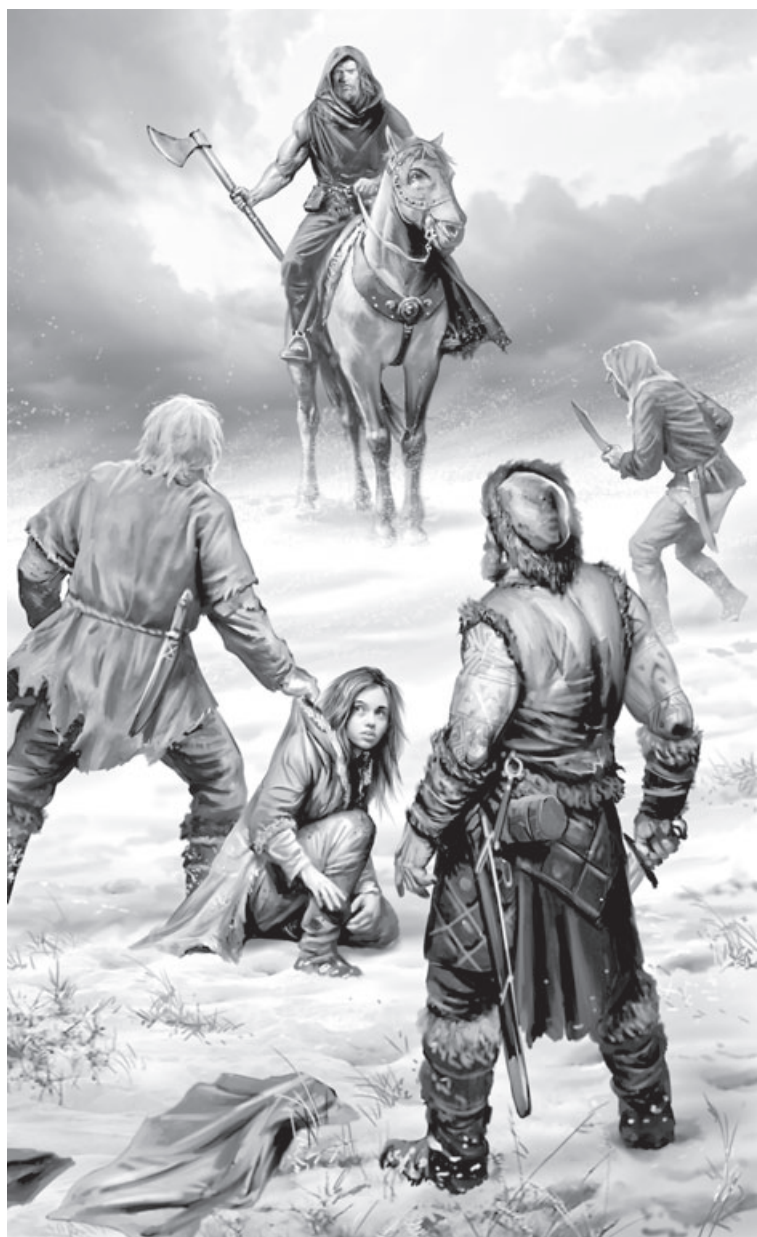
АРИФМОМАН. ЧЕРВОТОЧИНА
АРИФМОМАН. В НЕБЕСАХ

ПРИЗРАК

КРИАБАЛ. ТЬМА У ВОРОТ
КРИАБАЛ. СВЕТА В ГЛАЗАХ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ

КРИАБАЛ.
ТЪМА У ВОРОТ

РОМАН

Москва, 2018
 АРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1133

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Криабал. Тьма у ворот: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 345 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2756-7

Самым великим волшебником был Бриар Всемогущий. А самой великой волшебной книгой была книга Бриара Всемогущего — Криабал. И в тот день, когда бродячий головорез случайно нашел страницу из этой книги — одну-единственную страницу! — мир перестал быть прежним.

Только этого пока еще никто не знает. Никому не ведомо, что за круговерть событий начнется уже совсем скоро.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2756-7

Вернулся властелин Тьмы.
Многие собирают книги, неведомое несут их страницы.
Завис мир над краем пропасти, вот-вот рухнет.
Черный остров скрывает тайну.

Хроники Грядущего, центурия XI, катрен LXXXI

ГЛАВА 1

Ветра не было, но холод стоял такой, что индевели волосы. Летом эта болотистая равнина обращается непролазной хлябью, но сейчас, в самом конце зимы, даже огромные лоси бесстрашно ходят по наледи.

Хотя не так уж их много в этих краях, лосей. Промерзлую пустошь редко тревожат. Изредка только пробежит заяц, пролетит полярная сова или пройдет на лыжах гоблин-охотник.

Но сегодня через пустошь шли нечастые в этих краях люди. Старая торговая дорога давно уже превратилась скорее в тропу, но все еще используется, все еще видит иногда путников. Кое-где даже торчат редкие вешки — зимой они ни к чему, но летом порой спасают кому-то жизнь.

Четверо усталых, продрогших оборванцев не были торговцами. Просто бедная семья, волочашая на санках нехитрый скарб. Второй день уже тащились они по снежной равнине и надеялись к вечеру наконец добраться до стойбища.

Очень бы не помешало успеть к вечеру. До него уж недалеко — час-другой, и начнет темнеть.

Хорошо хоть полярная ночь закончилась еще в ту луну — недолго солнце ползает по небу, а все ползает. Скупое, но освещает землю и даже немного греет.

Совсем немного.

Ишь-Киллаки поежился. Единственный здесь мужчина, он в ответе сразу за трех женщин — брюхатую жену, старую мать и незамужнюю дочь. Тяжко ему.

Но пока что им везло, дорога шла гладко. Ни опасного зверья не встретилось, ни худых людей. А что животы подвело и зубы стучат — это ничего, это перетерпим.

Всю жизнь терпим.

Ишь-Киллаки уже предвкушал горячую еду и теплый очаг, когда впереди показались шесть угрюмых фигур. И сердце сразу упало — так уж было очевидно, что не дорогу они узнать хотят.

Бандиты не стали зря тратить время. Не спросив даже, кто такие, куда едут, что везут, они молча швырнули Ишь-Киллаки на снег, дважды еще и ударив для острастки. Чтоб не вздумал вставать, не вздумал сопротивляться.

Хотя он и не собирался. Ишь-Киллаки не был храбрецом, не был и силачом. Он только надеялся, что дорожные грабители не тронут его женщин. Те сбились в кучу, испуганно прижались к мужу, сыну и отцу.

Бандиты в их сторону и не смотрели. Зло, сердито они потрошили жалкие пожитки. Добыча им досталась небогатая — две дюжины беличьих и куньих шкурок, кадка тюленьей ворвани, тючок мороженого мяса, пара таких же рыбин, несколько изделий из железа-сырца, снизка янтарных бус да кожаные сапоги. То немногое, что добыли да смастерили на зимовье и везли теперь на продажу.

Но, перерыв санки, бандиты обернулись к их хозяевам... бывшим хозяевам. Все так же бесцеремонно, ни слова не говоря, они принялись шарить по карманам. Быстро нашли сморщенный мешочек медяков на поясе Ишь-Киллаки, сорвали дешевое ожерелье с шеи его жены, отняли амулет у старухи-матери.

И в конце концов вожак хрипло велел:

— Раздевайтесь.

— Помилуй, мил-человек!.. — взмолился Ишь-Киллаки. — Бери все, но одежду-то оставь!

— Раздевайтесь, сказал! — повысил голос вожак.

— Да как же раздеваться, холод же собачий! Околеем сразу!

Вожак вздохнул и наотмашь ударил Ишь-Киллаки. Его подельники бросились срывать с бедолаг одежду, начав с жены и дочери.

Пока творилось это непотребство, вокруг никто не глядел. Не до того было. Потому и не заметили, что вдали показалась еще одна фигура — и на сей раз верховая.

Завидев происходящее, всадник чуть сжал колени, понукая коня прибавить шаг. Совсем скоро он был уже рядом — и при виде его матушка Ишь-Киллаки в ужасе возопила:

— Хозяйка Буранов, да за что же нам?! Еще один грабитель!.. Да еще и дармаг!..

— Я не грабитель, — раздался хриплый бас.

— Слава богам!.. А кто тогда?..

— Убийца.

Бандиты прекратили сдирать парку с дочери Ишь-Киллаки и схватились за оружие. Всадник выглядел грозно, но был он один. Одному против шестерых не сдюжить, будь он хоть хирдманном конунга.

К тому же холеный боевой конь и доброе оружие выглядели хорошей добычей.

Только бандитам они не достались. Мектиг Свирепый не был просто случайным путником. Прежде чем бандиты успели хоть замахнуться, он стоптал одного конем и распахал второму голову. Тяжелая боевая секира так и закрутилась в могучих ручищах.

Четверо остальных еще с пару минут отбивались. Один взмахнул мечом, другой выставил копье, третий схватился за самострел. Истошно визжащий гoblin прыгнул на Мектига со спины и попытался всадить нож в бок.

Мектиг перехватил его и крепко сжал, ломая зеленую ручонку. Обухом секиры он тут же шарахнул гоблина по голове и отшвырнул уже труп.

Так же играючи он расправился и еще с двумя. Однако вожак банды оказался орешком крепче. Ему таки удалось обойти Мектига, уклониться от страшного удара и вонзить меч... всего лишь в коня, не во всадника.

Но удар оказался хорош. Даже не закричав, конь рухнул как подкошенный. Вывалившись из седла, Мектиг тут же перерубил вожаку горло, но потери было уж не вернуть. Пусть победил, зато остался пешим.

Бандиты. Мектиг ненавидел бандитов.

Зло хмурясь, он повернулся к Ишь-Киллаки и его женщинам. Те сбились в кучку у своих санок, явно боясь спасителя больше беды. Мектиг пристально осмотрел их, взялся поудобнее за секиру и спросил, мотнув головой в сторону трупов:

— Вы их друзья?

— Нет-нет-нет! — замахал руками Ишь-Киллаки. — Они нас грабили!

— Тогда можете идти.

Обойдя убитых, Мектиг дважды их пересчитал, для верности загибая пальцы. Шестеро, из них один дармаг и один гоблин. Вся банда Ирги Сварливца налицо. И за каждую голову ему заплатили по двадцать серебряных ханнигов.

Кроме гоблина. Гоблины идут за полцены.

Обычно Мектиг брал за голову по пять золотых хдарков, но местные голодранцы вряд ли вообще когда-нибудь видели золото. Приходится работать за гроши и радоваться, что удалось найти хотя бы такой заказ. В здешних краях охотники за головами спросом не пользуются.

Ишь-Киллаки тем временем пошептался со своими женщинами и робко, бочком-бочком подвинулся к Мектигу. Стараясь ничем не разозлить грозного дармага, Ишь-Киллаки поклонился и забормотал, как он признателен.

Мектиг даже не повернул головы. Он убил тех шестерых, потому что получил за это деньги. Если бы он не взял заказ, то проехал бы сейчас мимо.

Но Ишь-Киллаки хотел не только поблагодарить. Продолжая униженно кланяться, он спросил, не хочет ли могучий воин доехать... дойти с ними до стойбища. Переночевать там, подкрепиться горячей пищей и... разделить постель с его, Ишь-Киллаки, дочерью.

Закутанная в парку девушка с надеждой смотрела на огромного дармага. Был он по меньшей мере некрасив и весь покрыт боевыми шрамами, но крепок и силен, как полярный медведь. От такого должны родиться здоровые дети — а в здешних краях это высоко ценится. Слишком мало людей в нищих селениях на пустоши, все давно уж друг другу родственники.

Мектиг хорошо это знал, так что предложению не удивился. И женщины не было у него уже давно.

Но он не спешил соглашаться. Что собой представляют местные женщины, он тоже знал хорошо. Не в том даже дело, что они похожи на крупных гоблинш, а в том, что не моются чуть ли не с рождения. Просто смазывают кожу тюленьим жиром, тем и счастливы.

Бывает, снимешь с такой одежды — а оттуда смрад, как от старой рыбы. Сами-то они к тому привычны — вроде как даже

нравится. Что им, если они лучшим мясом почитают протухшее.

Но все-таки женщины у Мектига не было уже слишком давно. А эта девчонка выглядела чуть лучше большинства местных страхолюдин. Ночевка под крышей и горячая еда тоже не помешают.

— Ведите, — бросил Мектиг, снимая с коня снаряжение.

Убитых бандитов он не тронул. А вот те, кого они чуть не ограбили, мародерством не побрезговали. Хотя немного оказалось у шайки ценного — плохое оружие, такая же одежда да несколько монет в карманах.

Хотя беднякам и это не лишнее.

В стойбище Мектиг провел ровно одну ночь. Наутро же, похлебав рыбного супа и бросив улыбающуюся во сне девку, он двинулся дальше. Возможно, сегодня она понесла его ребенка, но об этом Мектиг не думал.

Он даже не спросил ее имени.

Дорога вела Мектига дальше на юго-восток, к городу и людям. Он остался без коня, а быть без коня ему не нравилось. Слишком многое приходится носить с собой, если не имеешь дома — а дома Мектиг не имел уже очень давно.

Когда-то Мектиг Свирепый был тяжелым хирдманном. Много лет воевал за великого конунга — и хорошо воевал. Он был первым топором тинглида, лучшим из бойцов Свитьодинара — а это значит, что он был лучшим в мире.

Но потом... потом ярл Солетунг грязно оскорбил его покойного отца. Прилюдно назвал стродинном. Не стерпев поношения, Мектиг достал топор и зарубил ярла на месте. Зарубил на глазах у сотни свидетелей, расколочил башку вместе с шлемом.

Зная, что конунг снимет с него за это голову, Мектиг сразу же сел на коня и ускакал из Свитьодинара.

С тех пор минуло пять лет, и все это время он странствовал по ледяным пустошам, зарабатывая на жизнь собственной секирой. Та звалась Крушилой, и это имя ей очень подходило.

Первый год Мектиг провел в Салимарии, где прикончил одиннадцать ведьм... или десять. Одна, возможно, все-таки выжила. Потом он бродил по заснеженным равнинам Гаймцера, кочевал с гоблинами-оленеводами по Дальгии, шатался по

каменистым пустошам Пустоземья, пересек с севера на юг Огненный Край...

А последние полгода Мектиг провел в Арбии. Бесплодная болотистая страна, где проще встретить снежного призрака, чем человека.

Мектигу давно обрыдли эти края.

Так что сейчас он шел на юго-восток, в Эрдезию. Говорят, людей там больше, да и зимы мягче.

Деревенские продали Мектигу кое-что из припасов. Немного, поскольку жили они в ужасающей нищете, но до завтра еды хватит.

А завтра будет уже город.

Кроме съестного Мектиг получил от них хорошие рукавицы, почти новую веревку и несколько исписанных листов. Читал Мектиг с трудом и не видел в сем занятии проку, но бумага в тундре — вещь полезная. И не столько для того, что первым приходит в голову, сколько для разведения костра.

Когда спустились сумерки, Мектиг был еще в пределах Арбии. За целый день пути он не встретил никого, кроме случайного гоблина. Тот удрал, едва завидев огромного дармага.

На ночлег великан остановился в небольшой ложбине, хорошо укрытой от ветра и даже сумевшей взрастить несколько низеньких кривых березок. Одну из них Мектиг тут же срубил и принялся складывать из веток башенку. В центр он засунул самую старую и ветхую бумажку и чиркнул спичкой о наждак.

Мектиг умел разводить костры. Он делал это бесчисленное множество раз. За последние годы — почти каждый день.

Но в этот раз боги решили над ним подшутить.

Бумага не загоралась. Мектиг держал спичку, пока та не обожгла пальцы, но бумага осталась невредимой. Он зажег еще одну спичку — и снова лишь зря ее потратил.

Это удивило дармага. Он мало знал о бумаге, но был уверен, что горит та хорошо. Мектиг убеждался в этом неоднократно.

Немного подумав, Мектиг заменил бумажку на другую. Спичек осталось всего три, так что в этот раз он был еще осторожнее.

Новая бумажка загорелась легко. Через несколько минут в ложбине уже потрескивал костерок, а Мектиг сидел возле и рассматривал странный лист.

Он попробовал сунуть его в большой огонь, но тот и там не сторел. Даже не обуглился.

Волшебство. Здесь точно не обошлось без волшебства. Мектиг всегда настроженно к нему относился, так что вначале хотел просто выкинуть и забыть.

Но все же не стал. Решив, что еще успеет, он поднес бумажку к огню и принялся читать.

Это заняло мало времени. На странице было всего несколько слов, так что даже полуграмотный дармаг управился быстро.

Хотя понять Мектиг почти ничего не понял.

— Кри... а... бал... — повторил по слогам он самое большое слово, стоящее в самом центре. — Криабал.

Мектигу это ни о чем не говорило. На странице были и другие слова, а также маленькие картинки, красивые виньетки и странный символ в виде восьмиконечной звезды, но они ему тоже ни о чем не говорили.

А с другой стороны не было и того. Только рисунок — затянута плющом арка. Почему-то при взгляде на нее взгляд затуманивался, перед глазами все начинало плыть.

Мектиг потряс головой и сложил листок вчетверо. Лучше не смотреть на всякое волшебство, добра от него не бывает.

Оставлять эту штуку себе Мектиг не собирался. Но выбрасывать будет расточительно. У убитых им ведьм тоже бывали странные предметы — в том числе и бумажки со всякими надписями. За некоторые из них Мектигу потом заплатили серебром.

А кое за что — даже золотом.

Возможно, и эту кто-нибудь захочет купить. Места она не занимает, руки не жжет — пусть полежит пока в кармане. Глядишь, и удастся обратить ее хотя бы в пару медяков.

Деньги. Никуда без них. Мектиг презирал деньги и тех, у кого их много, но прожить без этой дряни непросто даже первому топору тинглида. Пищу еще можно добыть охотой, но нужны и другие припасы, нужно чинить одежду и оружие.

Да и коня вот Мектиг теперь лишился. Нового ему задаром никто не даст, а кошель удручающе легок. Если его содержимого и хватит на коня, то разве что на полудохлую клячу.

Спал Мектиг крепко и без сновидений. Улегся у тлеющего костра на старый, довольно уже ветхий плащ, сунул под голову

рукавицы и почти сразу задремал. Стылая земля вытягивала из тела тепло, но дармаги спокойно переносят даже очень сильные холода. Там, где низкие люди кутаются в шубы и унты, дармаг идет в легкой накидке и сапогах.

Наутро Мектиг доел остатки похлебки, вычистил снегом котелок и вновь зашагал по старой тропе. Два с лишним часа он мерил ногами снежную равнину, пока не завидел грязную, закопченную избушку с крышей, похожей на шляпку сморчка. Больше всего это походило на жилище какой-то ведьмы.

Ведьмы. Мектиг ненавидел ведьм.

Но на эту ведьму у него контракта не было. А задаром Мектиг не убивал.

И ведьмам ведь нужны волшебные штуки? Может, она захочет купить несгораемую бумажку. Так что Мектиг постучался и, не дождавшись ответа, распахнул дверь.

Это точно оказалось жилище ведьмы. Такое же грязное и закопченное внутри, как и снаружи, почти совсем темное, да еще и с огромным, булькающим в очаге котлом. Вареву помещивала поварешкой всклокоченная седая старуха с совершенно безумным взглядом.

— Мир тебе, — пробасил Мектиг, не переступая порога.

— И тебе, кто бы ты ни был, — ощерилась старуха. — Хотя знаю я, кто ты. Дармаг с топором, изрубленный весь. Голово-рез ты. Наемник. Убийца.

Мектиг нахмурился. Ведьма сразу же прозрела всю его суть. Возможно, она провидица. Или даже вёльва. Если так — хорошо, Мектиг давно хотел узнать свою судьбу.

— Погадай мне, — потребовал он.

— Погадать, погадать... — пробормотала старуха, суя длинный нос в котел. — Не буду гадать. Не мешай, у меня супчик вскипел. Есть буду. Тебе не дам.

— Я заплачу, — неохотно буркнул Мектиг, доставая серебряный ханниг.

Вёльва сразу же оживилась. Быстрее молнии она подскочила к дармагу, выхватила монетку и улыбнулась, как лиса при виде забредшего в лес цыпленка.

— Сейчас погадаю! — радостно воскликнула она. — Сейчас, сейчас!

Глаза старухи закатились, руки мелко затряслись. Она зачерпнула ложкой из котла, отхлебнула, причмокнула и принялась нараспев скандировать:

Слепец светлоокий стоит у ворот;
Узы расторгнуты, вырвалась Тьма!..
Много я знаю; вижу я, вещая,
Грозно грядущий жребий миров!

Мектиг подождал еще немного, но, кроме этой белиберды, вельва ничего не сказала. Чавкая и хлюпая, безумная старуха набросилась на свою похлебку.

Про волшебную бумагу Мектиг не стал у нее даже спрашивать. Видно, что если она чем и заплатит, то разве серебряхой, которую Мектиг сам же ей и дал.

— Сумасшедшая, — буркнул он, закрывая за собой дверь.

Судьбы своей Мектиг не узнал, но хотя бы до города ему осталось совсем немного. Прошел час, и вдоль дороги потянулись покосившиеся плетни и укравшиеся снежными шапками полуземлянки. А впереди показалась приземистая, выщербленная, но вполне еще прочная крепостная стена.

Незаметно для себя Мектиг вошел в Эрдезию — тоже небогатую и малолюдную страну, но в сравнение не идущую с нищей пустыней Арбии. Говорят, где-то на самом юге Эрдезии есть действительно большие города, волшебный портал и даже настоящий король.

Мектиг никогда в жизни не видел короля. Ему всегда было любопытно, растет ли корона у него уже с рождения или появляется потом, как рога у лосей.

Впрочем, эти места от королевского величия далеки. Здесь глухая окраина, крохотный городишко Пайнк. Говорят, в прежние времена, когда Арбия была побогаче, через него велась вся торговля.

Но сейчас арбийцам торговать просто нечем. Слишком худые времена у них настали. Сначала подряд несколько голодных лет, потом еще мор...

А поскольку Арбия захирела, хиреет и Пайнк.

Но пока что здесь еще не так плохо. Стена почти цела, и людей довольно много. А уж домов-то!.. Мектиг никогда в жизни не видел столько домов в одном месте.

Пожалуй, их тут не меньше тысячи.

Внутри его долго не хотели пропускать. Стража нудно и опасно выясняла, кто таков да зачем пришел. Мектиг, будучи человеком немногословным, на все вопросы отвечал односложно или вовсе молчал.

Но в конце концов ему дозволили войти. Только потребовали привязать топор к перевязи специальным узлом. Мол, в стенах города боевое оружие не дозволено.

Мектиг не понял, что ему помешает просто развязать этот узел, но спорить не стал. Пусть, если их это успокаивает. Зато он наконец оказался в большом городе.

Дома здесь теснились друг к другу, лезли один на другой. Между ними почти не оставалось места, узенькие улочки кишели народом. Если не жилье, то лавка, если не лавка, то склад, а если не склад — то хоть прилавок уличного торговца.

А шум стоял такой, что закладывало уши. Каждый о чем-то говорил, что-то кричал.

Мектиг слишком привык к тишине тундры, нарушаемой лишь волчьим воем да иногда трубным ревом мамонтов. Слишком привык видеть вокруг только снежную или моховую равнину. Ему непривычно было, что вокруг так много людей.

Хорошо еще, что его они сторонились. При виде огромного дармага прохожие отводили взгляды, и его это радовало.

Мектиг не любил, когда на него пялились.

Основная торговля шла на рыночной площади. Мектиг решил надолго в Пайнке не задерживаться. Купить все необходимое, подыскать лошадь по карману, продать кое-какие трофеи, переночевать где получится — и прочь отсюда.

Ах да, и еще надо узнать, нет ли работы для охотника за головами. По опыту Мектиг знал, что головорезы требуются везде. Всегда требуется кого-то убить — бандита, ведьму, тролля или просто обидчика. Получив деньги, Мектиг отправлялся в путь и не останавливался, пока не разрубал очередную башку.

Платили обычно вперед. Было в Мектиге что-то такое, от чего ему верили на слово. Никто еще не усомнился, что, если этот бледный верзила говорит, что убьет кого-то, — он именно так и поступит. От него даже не требовали принести потом доказательства.

И Мектиг еще ни разу никого не подвел.

Но сейчас он выискивал взглядом того, кому можно продать волшебную бумажку. Вряд ли ей заинтересуется горшеч-

ник... или мясник... или кожевник... но вот как насчет книжника? Это ведь страница из книги, верно?

Книжник при виде Мектига вздрогнул. Все обычно вздрагивали при виде Мектига. Неубедительно улыбаясь, чахлый человечек заблеял что-то о своих книжках, но до них Мектигу дела не было. Он в жизни не прочел ни одной.

Вместо чтения он сунул книжнику свой листок и грозно спросил:

— Купишь?

Прозвучало это как-то неправильно. С таким видом обычно делаются торговые предложения в подворотне. Когда всякие невежливые типы предлагают купить что-нибудь бесполезное за очень дорого.

Видимо, книжник именно так и подумал, потому что задрожал еще сильнее. Но потом его взгляд сосредоточился на странице... и глаза загорелись. Всего на долю секунды вспыхнули жадным огнем, а потом погасли.

— Где ты это достал... мнэ-мнэ-мнэ... воин?... — ележно спросил книжник.

— Нашел, — хмуро ответил Мектиг. — Она что-то стоит? Купишь?

— Ну это просто страница из старой книги... Может, ты ее откуда-то вырвал? Самой книги там не было? — с надеждой спросил книжник.

— Не было. Только это. Купишь?

— Одна вырванная страница многого не стоит... — протянул книжник.

— Сколько дашь?

— Только из уважения к тебе, бесстрашный воин, может быть... мнэ-мнэ-мнэ... как насчет... мнэ-мнэ-мнэ... пяти медных хольдарков?

— Годится. Давай деньги, — протянул лапищу дармаг.

ГЛАВА 2

В тачку вывалилась отработанная порода. Фырдуз покрепче ухватил рукоятки и покатил к отвалу. Он устал и хотел есть, но до перерыва еще долго.

Если он вообще будет сегодня — перерыв. Иногда начальство решает, что каторжане и без того слишком часто отдыхают. Тогда перерыв отменяют, просто раздавая пайки.

Без еды рудокопов все же не оставляют. Пробовали, но выработка слишком сильно снижалась. На пустой желудок-то киркой не помашешь.

Фырдуз Ерке трудился в этой шахте уже пятую луну. Если повезет, он протянет еще столько же или немного больше. А потом... наверное, потом отправится в отвал.

Тут редко кто задерживается дольше чем на полгода.

Если бы начальство не выжимало каторжан досуха, шахта была бы эффективнее. Немного больше сна, немного больше еды, лекарь для больных... в прежней шахте все это было, и многие трудились годами.

Но эту открыли недавно, набили рудокопами под завязку и поставили такие нормы, что легче сдохнуть, чем выполнить. Хобии куда-то очень торопятся.

Хотя известно куда. Опять на кого-то войной пойдут. Фырдуз не знал, что творится в головах этих кротов, но ясно, что ничего хорошего. Они и в прежние-то времена были не в себе, а в последние годы вообще как с цепи сорвались.

Вторжение Фырдуз помнил, как сейчас. Четыре года назад хобии вошли в Кобольдаланд, менее чем за две луны смяли королевские войска и установили свои порядки. Теперь страна кобольдов считается протекторатом Подгорного Ханства.

Фырдуз уже немолод. И большую часть жизни он прожил, как подобает хорошему кобольду — тихо и незаметно, никому не мешая и никого не беспокоя. Нормальные кобольды стараются не попадаться другим на глаза, тихо и незаметно трудясь в своих норах.

Так же Фырдуз жил и первые полтора года оккупации. Тихо и незаметно мешал клеи и масла в своей мыловарне, раз в луну сдавая их в лавку старой Ульки. Потом к лавочнице пришли хобии, нашли что-то запрещенное, конфисковали лавку, а ее хозяйку отправили в лагерь. Фырдузу было жаль старуху, но для него самого ничего не изменилось — он все так же ходил в лавку, все так же сдавал плоды ремесла, все так же получал за них деньги.

Только теперь не у старой Ульки, а у хобия-комиссара.

Но спустя еще год Фырдуз и самого отправили в лагерь. Причем виноват во всем был его племянник, Колинт. Маленький дурачок решил поиграть в партизана и однажды написал на их доме огромными буквами: «СМЕРТЬ ХОБИЯМ-ОККУ-ПАНТАМ!»

Конечно, сами хобии эту надпись бы даже не заметили — как им ее заметить, слепым? Однако нашелся доброхот, сообщил куда следует. И уже через час в дом ворвался хобийский патруль.

Что кроты делают с такими глупыми детьми, все прекрасно знали. Только двумя днями ранее какую-то девочку, кинувшую камень в хобия, без разговоров проткнули копьями. Для Подгорного Ханства дети бесполезны и даже вредны — они еще долго не смогут работать, а когда вырастут, то пожелают отомстить. Поэтому с детьми хобии расправляются быстро и жестоко — дай только повод.

Так что Фырдуз взял вину на себя. Сказал, что это он написал на стене угрозу.

Только он.

Конечно, его жестоко избили, а потом отправили на каторгу — но хотя бы не тронули сестру и племянника. На этот раз малец не храбрился — спрятался за мамкиной юбкой и дрожал от страха.

И вот уже полтора года Фырдуз гниет в лагерях. Поначалу работал на серебряной шахте, где было в целом терпимо, а потом попал сюда, в мифриловую. Тут-то уж он узнал, каково землей питаться.

На самом деле мифриловой эта шахта только называется. Мифриловых руд на свете не бывает, ведь мифрил — не металл, а сплав. Карбид гафния, тантал и титан. Точные пропорции хранятся в строгом секрете... хотя это тот самый секрет, что известен даже детям.

Если это дети кобольдов, конечно.

Два из этих трех металлов здесь и промышленляют. Титан и тантал. А заодно еще и ниобий, коего здесь тоже хватает. На тантале с ниобием Фырдуз и поставлен — вместе с еще тремя тысячами кобольдов он рубит колумбитовую руду, добывая черный песок, который затем превратится в ценные металлы.

Почти все каторжане — кобольды. Но есть и несколько цвергов. Пару раз Фырдуз видел минотавров и пещерных вар-

дов. И даже циклопа однажды — весь обвешанный цепями, тот тащил вагонетку размером с маленький дом.

А вот Верхних нет. Из Верхних работники плохие — руду копают кое-как, в металлах не разбираются, в темноте не видят, с еды блюют, все время жалуются и сразу начинают болеть.

Не любят Верхние подземелий.

Опрокидывая очередную тачку с пустой породой, Фырдуз едва не сбил с ног другого кобольда. Он не знал его имени. А тот наверняка не знает имени Фырдуза. Лагерные шахты — настоящие термитники. Все здесь никто, безымянные рабочие единицы.

— Осторожней, 45-14, — шикнул на него другой кобольд.

— Извини, 38-90, — ответил Фырдуз. — Ненароком.

В отличие от имен номера здесь есть у всех. Выстрижены аккуратно на макушке. Проведет слепой надзиратель рукой — ага, такой-то и такой-то.

И то еще ладно, что только выстрижены. Некрасиво, но шерсть — дело наживное, отрастет. Раньше вон номера вырезали прямо на коже — Фырдуз встречал таких лагерников.

И не потому их прекратили вырезать, что хобии вдруг жалостливей стали. Просто перестановки у них участились, работяг все чаще с шахты на шахту перекидывают. Так тут перенумерацию делай, новое назначение определяй. А как номер сменить, если он на коже вырезан?

Вот и решили просто шерсть выстригать.

День тянулся монотонно. Через каждый час хобий в каменном колодце колотил в медное било, отмечая время. Вот сейчас два удара, потом еще три — значит, минул третий полуденный. Через час должен быть перерыв, будут кормить. А еще через шесть часов конец смены, снова поесть и немного поспать.

Еще одна тачка. И еще одна. Сегодня не везет, порода идет в основном пустая. Это плохо — если норму не выполнить, пайки урежут. А на урезанных пайках долго не протянешь. Их и полных-то едва хватает, чтоб не сдохнуть.

Посчастливилось хоть в том, что перерыв не зажилили. Целый час дозволили не работать. И пайку Фырдуз получил — краюху грибного хлеба. Сырого, с плесенью, но такого вкусного!

Пить не дали. Чего-чего, а воды у каторжан вдоволь — вон под ногами хлюпает. Хочешь — горстью черпай, хочешь — наклонись да пей.

Фырдуз черпал горстью. Брезговал немножко прямо губы туда окунать. Сохранилась в нем еще крохотная толика самоуважения.

Однако на то, что именно он пьет, кобольд старался не смотреть. Что за вода может быть в шахте? Хорошо и то, что источник — подземный ручей, у самого ключа грязи вовсе и нет.

Но то, что у самого ключа, пьют сами хобии да их фискалы из кобольдов. А что до работяг дотекает, наполовину уж из рудничной пыли состоит.

Ну да ничего, не привыкать. Кобольд — зверушка неприхотливая.

И то хорошо, что не бьют. Хобии — народец черствый, но бесцельно не злобствующий. Никто не слышал, чтоб хобий кого ударил ради забавы. Не провинись ни в чем — и никто тебя не тронет.

Жаль, не все это понимают. Примостившись в ямке на возвышении и бережно собирая крошки, Фырдуз стал свидетелем расправы. Сразу пятеро приземистых, покрытых черным мехом хобиев окружили огромного цверга и дубасили железными палками-тростями.

Фырдуз не знал этого беднягу и понятия не имел, в чем тот провинился. Но, пронаблюдав с пару минут, уверился — либо бунтовал, либо пытался бежать. Новичок, видно, не знает, что к чему. Не выбили из него еще остатки гордости.

Ну да ничего, выбьют. А если и дальше будет упрямяться, так саданут киркой в затылок и до отвала на тачке. Много таких уж бывало, гордых.

Но этот покрепче иных. Хобии колотили цверга до ужаса долго, но тот все не падал и не падал.

Понятное дело, нелегко сбить того, чья форма почти кубическая. Хобии рядом с этим детиной смотрятся мелкими зверушками.

Любой кобольд, впрочем, тоже.

В конце концов цверг все-таки обессилел и рухнул. Ну как рухнул... скорее просто осел. Обмяк, как подтаявшая куча грязи.

Но хобии от него отвязались. Видно, и сами уже притомились махать дубинками. Еще по разу пнули эту бородатую тумбу и разошлись.

Несколько минут цверг лежал неподвижно. Фырдуз посасывал последний кусочек хлеба и внимательно смотрел. Ему было любопытно, останется ли здоровяк после такого жив.

Фырдуз бы вот точно не остался. Кобольды — народ двуличный, но, если долго бить палками, — умирают.

А вот цверг — поди ж ты! — стал медленно приподниматься. Фырдуз, доевший пайку, сполз вниз и подобрался поближе. Он знал, что глупо лезть не в свое дело, но ему стало интересно все же узнать, за что цверга так наказали.

Вплотную Фырдуз подходить не стал. Цверги всегда его немного настораживали. Огромные они очень, широкоплечие, заросшие густыми бородами. Вечно носят на себе железо, таскают тяжелое оружие.

Цверг возвышается над кобольдом, как башня. Цверг в один присест съедает столько, сколько кобольд не съест и за три дня. Цверг может разбить кобольду голову ударом мозолистого кулачища.

Нет, не стоит подходить к такому, пока не убедишься, что он тебя не тронет.

Все-таки поднявшись, цверг долго просто стоял и шатался. Потом утирал кровь грязной рубахой. Больше размазывал. Ранить его хобии всерьез не ранили, сломать ничего не сломали, но ушибов и ссадин нанесли столько, что страшно глядеть. Завтра все тело будет сплошным синяком.

Кое-как утеревшись, цверг зашагал. Брел почти на ощупь, шаря перед собой руками. Ему явно не хватало зеленоватого мерцания подземных опят.

Фырдуз-то видел все ясно. Много ли нужно кобольду? Светлячок, искорка, гнилушка... вот и ладно. Совсем уж в крошечной тьме даже кобольд ничего не различит, но если есть хоть крошечный огонек — не пропадет.

А хобиям и это без надобности. Зачем свет тому, кто слеп? Даже глаза у них заросли кожей. Зато слух и нюх у хобия такие, что ориентируется лучше многих зрячих. И невдомек ему, что чем-то обделен, безглазый.

Но вот у цвергов глаза-то есть, только плохие, в темноте толком не видят. Яркий свет нужен. Факелы, свечи, лампы масляные.

Фырдуз их за то даже жалел немного. Поэтому он все же подобрался к цвергу ближе и осторожно окликнул.

— Кто здесь? — повернулся бородач. — Ты из кротов?..

— Нет, кобольд я, — тихо ответил Фырдуз. — Лагерник. Мир тебе, друг.

— И тебе мир. Ты где? Не вижу ни зги...

Фырдуз коснулся его руки. Ладонь цверга оказалась твердой и шершавой, как горная порода.

— Ты новенький? — спросил кобольд. — Как зовут?

— Тревдохрад, — коротко ответил цверг, глядя поверх Фырдуза. — Где выход?

— Выход?.. С шахты?.. Друг, выходов несколько, но у всех караул...

— Мне нужно оружие, — заявил Тревдохрад. — Хотя бы кирка или лопата. Я пробьюсь.

— Пробьешься?.. Посмотри на себя, друг, ты весь в крови, ты на ногах еле стоишь. Пойдем, умоешься хоть.

Цверг неохотно послушался. Стараясь не привлекать внимания хобиев, Фырдуз повел его к отнорку, где обычно спал. Но тут снова загудело медное било — два удара, потом четыре. Перерыв закончился.

— На работу надо, — поежился Фырдуз. — Друг, вон там дожидись меня. Воды тут везде много, внизу пошарь. Умойся, попей, поспать попробуй. Ты если сегодня первый день, можно не работать, но завтра выйти придется.

Тревдохрад шумно засопел, хотел что-то сказать, но Фырдуз уже утек в темноту. Мало кто способен шнырять по пещерам тише и незаметней кобольдов.

Зачем он взялся помогать этому недотепе, Фырдуз сказать затруднялся. Может, просто по доброте душевной, по врожденной своей совестливости. А может, потому, что дружить с таким могучим цвергом — дело подходящее. Среди каторжан хватает таких, кто охотно вырвет последний кусок изо рта такого же лагерника. У Фырдуза уже дважды отнимали пайку и один раз — стащили.

Хотя не исключено, что, пока Фырдуз будет кончать смену, Тревдохрада уже не станет. Может, все же помрет от побоев,

а может, кто из лагерников поможет. Брони и оружия на нем нет, но одежда хорошая, добротная. Рубаха почти новая, только кровью заляпанная, сапоги кожаные.

Хотя любой кобольд в этом шмотье утонет, конечно. А других цвергов на шахте раз-два и обчелся.

Однако Тревдохрад дождался Фырдуза. Лежал, где было сказано, и хрипло дышал. Похоже, что-то ему хобии все-таки повредили.

Фырдуз помог ему подняться и отвел к кухонным вагончикам. Во вторую перемену дают не только хлеб, но и похлебку — жидкую, сытную, даже почти теплую. Получить пайку можно только лично, хобии по номерам проверяют, так что тут уж хоть слабый, хоть больной — вставай и иди к раздаче.

Иначе еще больше ослабеешь.

Идти к раздаче Тревдохрад все равно сначала не хотел. Упрявился, упирался. Мол, ничего ему не нужно от этих кротов, пусть сами жрут свои помои. Но потом его подвел собственный живот, издав тихое, но отчетливое урчание.

— Надо поесть, — терпеливо сказал Фырдуз. — Моря себя голодом, ты ничего не изменишь.

Цверг съел только хлеб, а похлебку отдал Фырдузу. А поскольку цвергам выдают двойные порции, сегодня у маленького кобольда случился настоящий пир.

Прихлебывая через край, Фырдуз подумал, что это наверняка боги награждают его за добрый поступок. Быть может, этот цверг — никакой не цверг, а явившийся с небес воздатель? Фырдуз слышал, что те порой ходят среди смертных, испытывая их сердца. Накормишь голодного нищего — а он возьмет да и откроет, где искать золотую жилу. Прогонишь его от ворот — а он проклянет так, что весь покроешься язвами.

Хотя нет. Глядя на громко сморкающегося и чешущего в паху цверга, Фырдуз отверг эту мысль. Воздатель не позволил бы хобиям так себя избить. Да и дополнительная миска похлебки — прямо скажем, небогатая награда.

Но все равно лучше, чем ничего.

После еды Фырдуз пошел спать сразу же и посоветовал то же Тревдохраду. Смены в шахте длинные, а сон короткий. Пользуйся каждым часом, каждой минуткой — иначе завтра на ногах стоять не будешь.

Подъем объявили, когда медное било ударило четыре и четыре раза. Пятый полуночный час. Фырдуз слышал, что Наверху в это время суток все спят, потому что на потолке гаснет Небесный Светильник. Верхние называют его солнцем.

Фырдуз слышал об этой штуке, но верилось ему с трудом.

Хотя Сверху действительно льется на удивление много света. Это известно каждому, кто бывал в вертикальных шахтах. Встанешь на дно колодца — и видишь высоко-высоко над головой квадратик или кружок белого или голубого света.

Но только не в полуночные часы, это верно.

Однако Внизу — это не Наверху. Здесь полуночные часы отличаются от полуденных только названием. Лагерники работают посменно, и шахта никогда не затихает. Круглыми сутками кирки стучат о гранит, гудят полные вагонетки и свищут плетки надсмотрщиков.

Фырдуз объяснял это Тревдохраду торопливо, пытаясь поднять упрямого цверга. Тот оказался жутко твердолобым.

— Я Тревдохрад Оркручигетхсторец, сын Брастомгруда, сына Дракметрага, — цедил сквозь зубы бородач. — Работа в шахте — благородное дело, но я не стану работать на врага!

— Гордый, да? — вздохнул Фырдуз. — Здесь тебе лучше проглотить гордость. Хобиям не нужны те, кто не работает. Ты либо машешь киркой, либо лежишь в отвале — выбор за тобой.

— Все мое естество восстает против того, чтобы трудиться бесплатно, — угрюмо пожаловался цверг. — Мои предки плюнули бы мне в бороду, если б узнали, что я опустил до такого.

— Извини, здесь мы работаем не ради денег.

— А ради чего тогда?

— Ради того, чтоб нас не мудохали. Тебе лучше это запомнить.

Тревдохрад смерил Фырдуза хмурым взглядом. Насколько уж он мог его разглядеть.

Хотя после завтрака цверг стал ориентироваться лучше. В начале смены ему выдали каску, кирку и медальон-светильник. Самый простой и дешевый — в плоском слюдяном пузырьке плавали личинки свечного жука. Их мерцания едва хватало, чтобы разгонять мрак на длину руки, но все лучше, чем во тьме.

— Кормить не забывай, — проскрипел каптерный хобий. — Плесень со стен им шкрябай. Если окуклятся или сдохнут —

принесешь мне, другой выдам. Но если сдохнут — еще и палок получишь. Понял?

Тревохрад угрюмо молчал. Каптерный хобий схватил его за локоть когтищами, сунул рыльце почти в бороду и прошипел:

— Понял?!

— Он понял, тархан, понял, — торопливо сунулся Фырдуз. — Новенький он, неотесанный.

— Понял — так и иди, — фыркнул хобий.

По-прежнему мрачный и надутый, работал Тревохрад, однако, усердно. Видимо, просто не умел филонить, как любой нормальный лагерник. Кобольды трудились в полную силу, только если близко стоял кто из хобиев — эти сразу слышат, что кирка ходит медленней.

Когда же слепых надзирателей вблизи нет, силы лучше поберечь. Чего ради жилы-то рвать, зачем? Чтоб добыть кротам больше руды, чтоб они наварили еще мифрила для новой войны? Кобольдаланд уже под ними, дальше кто — Кободард?

— Как думаешь, полезут кроты к медведям? — спросил Фырдуз вполголоса у цверга.

— Да, — коротко ответил тот. — И уже вот-вот. А сразу после — к нам, в Яминию.

— Думаешь?

— Знаю, — болезненно поморщился Тревохрад.

Фырдуз внимательно на него посмотрел, но спрашивать дальше не стал. Сам расскажет. Видно же, что его аж распирает, так хочется с кем-нибудь поделиться.

Но пока еще цверг помалкивал. Час за часом рубил гранит, как заведенный механизм. Фырдуз еле успевал бегать с тачкой, убирать выработанную породу. Однажды снова лишь чудом не столкнулся — да теперь не с собратом-кобольдом, а с хобиями-землекопами. Те прокладывали новый туннель.

Почти всю работу на шахте исполняют лагерники. В рудном деле равных народу Фырдуза нет ни Наверху, ни Внизу. Но если нужно что-то срочно прокопать, хобии все же берутся за дело сами.

Когда речь идет не о добыче ископаемых, а о прокладке туннелей, эти слепые уродцы обставят кого угодно. Они роют даже не лопатами, не кирками, а просто лапами — страшными кротовыми когтями. Именно так они с легкостью захватили

Кобольдаланд — ворвались сразу из десятков мест, пробурили уйму новых ходов. Кобольды опомниться не успели, как уже повсюду были вооруженные хобии.

Прорвало Тревдохрада за ужином. Днем смолотил пайку уже без капризов, едва только не облизав пальцы, а вечером выхлебал в один глоток стлую жижу и рявкнул:

— Это что, все?! Вот так каждый день?!

— Да, причем у тебя двойная порция, — вполголоса заметил Фырдуз.

Он не возражал, конечно. Понятное дело — цвергу еды нужно больше. Вон он какой здоровенный. Минотаврам и вардам, наверное, вообще тройные выдают.

— Я не о еде! — рубанул ладонью Тревдохрад. — Каждый день махать кайлом и жрать дерьмо?!

— Да тише ты! Тише! — зашипел Фырдуз. — У кротов слух острее летучемышьего, услышат — избыют!

— Не привыкать, — огрызнулся цверг, все же немного понижая голос. — Но ладно. Ты сам сколько уже тут?

— В этой шахте — четыре луны с малым. А вообще в лагерьях — полтора года.

— И что, смирился?! Бежать не пытаешься?!

— Кто пытался — они вон, в отвалах лежат, — скучным голосом сказал кобольд. — Много их таких было.

Тревдохрад заворчал, зло сжимая рукоять кирки. А мимо как раз проходил хобий, нюхая воздух и покрикивая, чтоб не засиживались, чтоб спали, пока сон-час, пока в забоях другая смена. Фырдуз поймал бешеный взгляд цверга и испуганно схватил бородача за руку — не ровен час сорвется, пробьет кро-ту башку.

За такое хобии казнят быстро и беспощадно.

— Сиди! — зашептал кобольд. — Сиди тихо! Смирно сиди!

— Ты не понимаешь, — процедил цверг. — Мне нужно обратнo. В Яминию. К королю. Рассказать ему...

— Рассказать?.. Что рассказать? Ты что, прямо с самим королем знаком?

— Я с ним не просто знаком, — неохотно ответил Тревдохрад. — Ты вот сразу видно, что иноземец. В Яминии имя Орк-ручигетхсторец знают все.

— Не, я не знаю, — криво усмехнулся Фырдуз. — Я это даже повторить-то не смогу.

— А что тут такого? — не понял цверг. — Фамилия как фамилия... но ладно, не важно. Короче, я из знатного рода. И... вот не знаю даже, я тебе доверять-то могу?.. Вдруг ты их подсыл, в доверие ко мне втираешься?

— Э, друг, если б кроты хотели что у тебя выпытать, они бы так не затруднялись, — осклабился Фырдуз. — Отвели бы тебя просто в укромный отнорок, прибили б гвоздями к стене да пещерных клещей в штаны запустили. Ты бы уже через полчаса все бы рассказал и всех бы выдал. А раз тебя не допрашивают — значит, просто не знают, кто ты есть. Тебя как поймали-то, друг?

— Случайно меня поймали, — пробурчал Тревдохрад. — По неосторожности. Я прямо на их патруль нарвался, а они пропуск захотели.

— Ну конечно, тут же закрытая зона. Мифриловые рудники. Ты как вообще прошел, без пропуска-то?

— Был у меня пропуск. Только он, оказалось, не везде действует. Ну меня и взяли... за бродяжничество.

— За бродяжничество?..

— И за сопротивление аресту еще потом. Два дня били, потом сюда перегнали. Здесь снова избили... но это ты уже видел.

— Ну вот и сиди тогда, как таракан в щелке. Затаись. А то еще вспомнят о тебе, займутся... Хочешь, чтоб тобой занялись?

— Нет. Но ты не понимаешь. Если я не вернусь в Яминию и не доложу обо всем, нас застанут врасплох.

— Вас — это цвергов?.. То есть кроты правда на вас напасть собираются? А медведи как же?..

— Варды им даром не нужны. Они с ними воюют только для виду. Пробьют себе дорогу через Кободард — и на нас ринутся. Подгорному Ханству нужны все Недра, целиком.

— Эх... — вздохнул Фырдуз.

Новости он особо не удивился. И так все знают, что хобии в последние годы возомнили себя золотом среди шлака. Кабы они еще и Наверх не вздумали двинуть... хотя нет, это точно нет.

— Я должен бежать, — угрюмо сказал цверг. — Бежать, пока они не поняли, кого схватили. А если не выйдет... тогда уж лучше смерть.

— Это необязательно, — придвинулся к нему Фырдуз. — Есть... способ.

— Способ бежать?!

— Тихо ты! — зашипел кобальд. — Тихо! Слушай. Я тут уже пятую луну, и я все это время смотрел и слушал. Отсюда никого не выпускают, и сбежать очень сложно... но все-таки можно. Потому что хобии, как ни крути, слепые. Слух и нюх у них раз в десять лучше, чем у нас с тобой, но глаз нет вообще. Этим можно воспользоваться.

— Как?! — жадно схватил кобальда за плечо Тревдохрад.

— Да тихо! Не шуми. Есть у меня одна мысль. Но один не справлюсь, понадобится твоя помощь.

— Все сделаю! Только скажи что!

— Для начала — запастись терпением и ждать. Понадобится кое-что подготовить...

ГЛАВА 3

Плацента шел по улице. Хотя в его отношении слово «шел» звучало неуместно. Плацента никогда не ходил просто так, как ходят нормальные люди — спокойно и уверенно, не размышляя о том, куда сделать следующий шаг.

Нет, Плацента всегда либо крался, либо бежал. Подкрадывался к кому-нибудь или улепетывал от кого-нибудь. Он ненавидел свою жизнь, но другой жизни у него не было.

Сейчас Плацента крался. Шнырял по городской площади, ощупывая взглядом каждого встречного, особенно пристально глядя на карманы и пояса. В костлявых длинных пальцах иногда сверкала монета — на вид обычная, но с бритвенной остроты краями.

Был яркий полдень, солнце отражалось от окон и снежных шапок на крышах, площадь бурлила народом — но Плацента словно носил плащ-невидимку. Его никто не замечал. Никто не глядел в его сторону.

А кто все-таки глядел — тут же брезгливо отворачивался. Побитый оспой, горбатый, очень маленького роста, с похожим на крысиную морду лицом, Плацента ни у кого не вызывал симпатии.

Но его не интересовала симпатия всех этих незнакомцев. Плаценту интересовали только их кошельки. И даже не сами кошельки, а только их содержимое. Обычно он невзначай про-

водил рукой у кармана раззявы и хватал то, что оттуда вываливалось. Такой ловкий, что мог бы работать жонглером, Плацента не попадался еще ни разу.

Сейчас раззяв на площади хватало. У превращенной в склад ратуши выступали бродячие артисты. Старый кукольник с помощниками — мальчишкой-подростком и девушкой... ох, какой девушкой!.. Зеваки в основном тарасились не на тростевую куклу в ее руках, а на обильные выпуклости под красно-желтым трико. Девица явно это понимала и бесстыдно пользовалась дарованными природой преимуществами.

— Растолкуйте мне, святой отец, что такое «благодать»? — тоненьким голоском пищала она и тут же бурчала глубоким, почти совсем мужским голосом: — Все очень просто, дочь моя. Вот возьмем, скажем, этот огурец и поместим его вот сюда...

Зрители зашлись в восторженном визге. Плешивая кукла, за которую говорила актерка, удивительно ловко ухватила огурец деревянными ручонками и принялась заталкивать в ложбинку, что магнитом притягивала все мужские взгляды.

— Ох, святой отец, к чему же вы такому ведете? — захлопала глазами актерка. — Я глупая деревенская девушка и ваших намеков не понимаю!

К представлению присоединились куклы старика и мальчишки, но на это Плацента уже не смотрел. Он заметил туго набитый кошель, свисающий с пояса толстого лавочника. Пузан похотливо пялился на актерку и больше не видел ничего.

Плаценте только это и требовалось. Он даже решил потом кинуть кукольникам монету-другую — очень уж знатно те отвлекали раззяв.

Зрители хохотали все громче, одобрительно покрикивали после особо острых фразочек. Кукла-охотник в руках мальчишки вооружилась дубинкой и принялась колотить куклу-жреца, а вокруг суетилась кукла-купчиха в руках старика.

Над жрецом смеялись с особенным удовольствием. Кто в Пайнке не знает эту плешь и орлиный нос?

К сожалению, узнаваема кукла оказалась даже чересчур хорошо. Представление так и не закончилось — явились стражники и арестовали актеров. Провожая их взглядом, Плацента насмешливо хихикнул.

Эти ребята — круглые дураки, если считали, что им сойдут с рук насмешки над епископом. Отец Суйм, прозванный Бешеным Святошей, такого не прощает.

А в Эрдезии епископы — это все. Формально страной правит король... ха, король!.. Вслух об этом не болтают, но каждый знает, что король Фонтель в свои тридцать лет имеет разум трехлетнего ребенка. Говорят, этот кретин не умеет даже есть самостоятельно — специальные няньки кормят его с ложечки. Вся власть в руках иерофанта и епископов.

Актеров потом отпустят, конечно. Но плетей всыпят от души. И кукол разломают. И деньги отберут, если что успели заработать.

Надолго они запомнят славный город Пайнк.

Плаценту их арест тоже огорчил. Продлись представление подольше, он бы немало кошелев еще распорол. А так успел прикарманить всего пару золотых, горсть серебра и безвкусную брошку с зеленым камушком.

Брошку Плацента решил сразу толкнуть. Он предпочитал звонкую монету. Деньги — они все одинаковые, без отличительных черт. А украшения могут опознать. Плацента не хотел однажды из-за такого пустяка попасть в тюремные подвалы.

Все знают, что Бешеный Святоша делает с ворами.

С площади Плацента убрался, едва на ней появились стражники. Он всегда старался, чтобы его и стражу разделяла пара улиц. Это обычные горожане при виде его морщатся и отворачиваются, а вот стражники зырят с прищуром, внимательно. Дай малейший повод — сразу арестуют.

Что делать — не любят в этом городе гоблинов.

Хотя Плацента вовсе и не гоблин. Гоблином был только его папаша. Однако для людей разницы нет — что гоблин, что полугоблин.

Быть полукровкой в чем-то даже еще хуже. Люди считают его гоблином. Гоблины считают его человеком. Те и другие его сторонятся.

С кем ему водиться? С другими полугоблинами? Так их на свете-то почти нет. Только конченые шлюхи отдаются гоблинам. А чтобы человеческий мужчина позарился на гоблиншу... ха, да такого, верно, и вовсе не бывает. Про Бешеного Святошу, правда, ходят слухи, что он падок на гоблинш... но это уж наверняка вранье.

Во всем городе кроме Плаценты живет только один полу-гоблин — и, между нами говоря, другого такого выродка еще поискать.

Всю жизнь Плацента обитал на дне. С самого рождения. Его мать была дешевой проституткой, опустившейся до гоблинов. Более того — от одного из них она понесла и родила скрюченного уродца-полукровку.

Имени своего отца Плацента не знал. Мать тоже. Она и лица-то его не помнила — он был гоблином, а людям все гоблины кажутся одинаковыми. Единственное, что она запомнила, — его деньги.

Он заплатил щедро.

В его жизни отвратительно все. У него самое низкое происхождение из возможных. У него паршивая внешность. Даже имя... когда Плацента появился на свет, его пьяная мамаша долго не могла понять, какой из этих уродливых комков — плацента, а какой — ребенок. Наконец разобравшись, она долго хихикала, а потом дала сыночку вот такое позорное прозвище.

Конечно, сменить имя нетрудно. Но Плацента принципиально не хотел этого делать. Он глубоко презирал окружающий мир и не собирался под него подстраиваться.

Мое имя кажется тебе смешным, сволочь? А мой нож тоже кажется тебе смешным?

С городской площади Плацента крадучись переместился на рыночную. Поменьше размером и у самых ворот, народ она собирает более разношерстный. Здесь и гоблинов хватает, и эльфов, и дармагов. Пару раз Плацента даже орков видал.

Поработать тут тоже можно всегда. Народ на рыночной площади шепутной, все чем-то заняты, все на что-то глазают, все друг на друга кричат. Деньги то и дело переходят из рук в руки, каждый что-то ищет или что-то тащит.

В восточном конце как раз жуткий шум — два парня торгуют у старика-дармага живую виверну. Зверюга орет, рвется, старик тычет ее острой палкой и одновременно жалится, что дорога, как родная дочь, да деньги нужны.

Впрочем, к виверне Плацента соваться не стал. Там все взвинченные, напряженные. Лучше пройти где потише, бакалейными рядами. Там в основном хозяйки, кумушки-хлопотуны. Среди бабья раззяв полно, уж Плаценте ли не знать.

Ну и слепой Здухча там же сидит, в самом конце. Вонючий гобло, век бы его не видать. Вроде как торгует всякой мелочью, безделушками грошовыми, но это так, для виду. На деле краденое скупает, урод зеленомордый. Платит дай-то боги десятую часть правильной цены.

Сунуть бы ему нож в бочину, крысе.

Но выбор у Плаценты не так чтобы очень велик. Пайнк — городишко не огромный, скупщиков в нем всего-то трое. И с одним Плацента в ссоре, а другой, сволота, платит еще меньше Здухчи.

Всем только и дай нажиться на честном воре.

Однако до Здухчи Плацента немного не дошел. Задержался у книжного лотка Зурнары. Тот, вопреки обыкновению, не продавал, а покупал — покупал какой-то старый листок у дармага.

Дармаг Плаценту сразу заинтересовал. Огромного роста варвар, похожий на ожившую скалу. Явный иноземец, причем откуда-то издалека. Кожа такая бледная, что кажется голубоватой, волосы светлые и очень длинные, заплетенные в несколько кос, лицо сплошь изборождено шрамами. Похоже, этого парня всю жизнь рубили и кромсали.

А говорил он так, словно каждое слово обходилось ему в золотой.

Что именно он там продает Зурнаре, Плацента толком не разглядел. Бумажку какую-то. Зато разглядел он другое — жадность на лице Зурнары. Книжник едва сдерживался, чтобы не закричать от восторга... но предложил всего пять медных монет.

А дармаг в упор не видел, что его дурят, как чечпока!

— Эй-эй-эй, морда, ты че, ты че?! — прошипел Плацента, хватая дармага за рукав. — Ты че, тля, глаза мочой с утра прополоскал?! Не продавай так дешево!

Мектиг Свирепый очень медленно повернулся к воришке. Тот сразу же вызвал у него глухое раздражение. Нахальный, назойливый, да еще и гоблин.

Гоблины. Мектиг ненавидел гоблинов.

Особой разницы между гоблинами и полугоблинами он не видел. Для людей они выглядят почти одинаково.

— Что ты хочешь? — неохотно спросил Мектиг.

— Не слушай его, доблестный воин, это известный вор-карманник! — забеспокоился книжник. — Давай возьми монеты и ступай себе, выпей за мое здоровье!

— Это стоит больше? — спросил Мектиг у Плаценты, показывая бумагу.

— Да дерьма ты ведро, не знаю я, сколько это стоит! Я, тля, тебе кто — гребаный библибобоб?!

— Такого слова нет!.. — подал голос книжник.

— Заткнись, тля! — окрысился Плацента. — Я, тля, не знаю, сколько это стоит, но этот крысотрах тебе точно в уши ссыт! Ты на рожу его глянь!

Мектиг очень медленно повернулся к книжнику. Тот не очень убедительно улыбнулся.

— Сколько дашь ты? — спросил дармаг у Плаценты.

— Да нисколько я тебе не дам! Мне оно ни за свинячий кир не нужно!

Мектиг молча уставился на Плаценту. А того аж перекосило от напряжения — полугоблин что есть мочи соображал, как побольше со всего этого поиметь.

Может, правда просто отсыпать льдоголовому горсть серебра, а потом выгодно перепродать? Но вдруг эта бумажка столько не стоит? У Зурнары теперь не спросишь — на Плаценту он глядит волком, разве что не рычит от злобы.

— Дай-ка хоть глянуть, что там у тебя! — наконец смекнул Плацента.

Мектиг по-прежнему молча показал вырванную из книги страницу.

— Криабал... — недоуменно прочел полугоблин. — Я это вроде слышал где-то... Это просто бумажка? Или чего?

— Она не горит, — пробасил дармаг.

— Че, волшебная?! — оживился Плацента. — Кудесно же! Волшебную мы живо сбудем! Я знаю одну волшебницу — она точно за нее монет отвалит! А если не отвалит, то хотя бы скажет, сколько она стоит! Чур, мне половину!

— Не люблю волшебников, — поморщился Мектиг.

— До тебя че, не доходит, тупой варвар?!

Бледная, испещренная шрамами ручища метнулась быстрее, чем Плацента успел моргнуть. Дармаг схватил его за горло и поднял на весу, словно соломенную куклу.

— Не называй меня тупым, — тихо процедил он.

Плацента задержал руками и ногами. Шею сдавило, точно тисками. Если дармаг нажмет чуть сильнее — просто переломит пополам.

Зурнара смотрел на это с явным удовольствием.

Но Мектиг все же не стал убивать полугоблина. Встряхнув еще разок, он разжал пальцы. А пока Плацента хрипел и кашлял, неохотно спросил:

— Сколько волшебница заплатит? Хватит на коня?

— На коня?.. — моргнул полугоблин.

— Да. Мне нужен конь.

— Да не знаю я, сколько она заплатит! Но уж точно больше, чем этот жмот!

— Эй! — обиженно крикнул Зурнара.

— А за то, что я тебя с ней сведу, — мне половину... хотя ладно, треть, — неохотно буркнул Плацента, потирая горло.

Дармаг ничего не ответил. Невнятно что-то проворчав и поправив секиру на поясе, он зашагал за полугоблином.

Они не увидели, как книжник провожает их злым взглядом, а потом срывается с места и куда-то убегает.

Шагал дармаг тоже молча. Не спрашивал, в какую сторону, долго ли еще идти. Совершенно не тревожился, что полугоблин, быть может, ведет его в ловушку.

А такая мысль у Плаценты мелькала. Останавливало лишь то, что для ловушки нужна... ловушка. Сообщники нужны, которые подготовят западню или просто встретят в темном переулке с ножами и самострелами.

А как подобное подготовишь, если Плацента всего-то полчаса назад и знать не знал об этом варваре с его... интересно, потянет ли вообще несгораемая страница на сокровище? Может, это просто мелкое волшебство, дешевый фокус?

Хотя нет, судя по взгляду Зурнары — как минимум не дешевый.

Ладно, может, так и лучше будет. Все, кого Плацента мог бы подбить на такое дело, охотно ограбят и его самого. А этот льдоголовый, похоже, не из таких.

Интересно, тупой ли он или наивный? Это немного разные вещи.

— Слышь, а тебе вообще неинтересно, кто я такой? — осведомился полугоблин.

— Нет.

— Че, даже не спросишь, как меня зовут?

— Мне все равно.

— Меня зовут Плацента.

Представившись, полугоблин стал ждать реакции. Она всегда была — реакция. И всегда разная.

Но варвар не отреагировал ровным счетом никак. Он молчал с равнодушием булыжника.

— А ты самого как зовут, тля? — с каким-то даже разочарованием спросил Плацента.

Дармаг продолжал хранить молчание. Словно оглох.

— Ну и кир с тобой. Не хочешь, не отвечай, — сплюнул полугоблин.

— Я Мектиг.

ГЛАВА 4

День выдался ветреный. Крапал мелкий дождик, под ногами лежала опавшая листва, а высоко в кронах перекликались какие-то птицы.

Танзена они не интересовали. Никогда не любил птиц. Их тела всегда казались ему неудобными, и он терпеть не мог в них перевоплощаться. Во всей его копилке образов было только три птицы — орел, гусь и ибис.

И то двух последних он добавил в период, когда писал магистерскую диссертацию и добавлял всех, кто попадался под руку. Именно в том году в копилке появились формы с № 53 по № 62, в том числе метла.

Танзен всегда немного стыдился формы № 62. Хотя следует признать, пару раз она неожиданно пригодилась. Смирнехонько стоящая у стеночки метла — великолепная маскировка. Нужно быть воистину параноиком, чтобы заподозрить в ней волшебника, магистра Метаморфозиса и специального агента Кустодиана.

Шагающий рядом практикант понятия не имел, что у наставника есть такая форма. Чего-чего, а этого Танзен ему рассказывать не собирался. Равно как и о форме № 30... о форме № 30 он вообще никому не рассказывал.

А о том, что иногда в ней делает, — тем более.

— Так на кого мы охотимся, мэтр? — спросил практикант.

- Скоро узнаешь, — загадочно ответил Танзен.
- Но хотя бы намекните! Он крупнее человека?
- Узнаешь, — повторил Танзен.
- Но скажите хотя бы, оно зверь, ящер или птица?!
- Уж точно не птица, — пробормотал Танзен.
- Ну пожалуйста, мэтр, ну скажите!
- Не шуми, — поморщился Танзен. — Спугнешь ведь.

Практикант часто закивал, сжимая пальцами губы.

Танзен глянул на него с иронией. Воодушевленный на этот раз попался юнец. Даже восторженный.

Пожалуй, из парня выйдет хороший волшебник.

Хорошо, что практикантов ему теперь дают окончивших бакалавриат. Эти официально уже обучены, уже полноценные волшебники, с ними не так уж и много хлопот. А вот раньше, когда Танзен сам был еще только лицензиатом, ему поручали тех, кто начинал с практики, — и вот с ними порой бывали проблемы.

Особенно с тем... как же его... Танзен не помнил. Увы, он плохо запоминал имена практикантов.

Точнее, даже не пытался запоминать. Давным-давно решил, что их имена — слишком незначительная мелочь, чтобы засорять память. В его журнале учета они все записаны, конечно, но журнал Танзен с собой не таскал.

— Ступай тише, практикант, — вполголоса сказал он. — Раскрой глаза и уши, прочувствуй лес. Все здесь может стать одной из твоих форм. Любой зверь, птица, насекомое. Деревья. Трава. Порыв ветра.

Практикант слушал внимательно. Он не был слишком хорошим учеником, звезд с неба не хватал, но очень старался. Магистр Танзен стал для него настоящим кумиром, хоть он и познакомился с ним только полторы луны назад.

— Сколько всего у тебя сейчас форм? — спросил Танзен.

— Четыре! — гордо ответил практикант. — Петух, бык, лис и воробей!

— Петух?.. — удивился Танзен. — Чем обусловлен такой выбор?

Практикант замялся. А Танзену стало искренне любопытно.

То есть бык, лис и воробей — понятно. Первый — крупный сильный зверь. Не хищник, но способен за себя постоять, при-

годен для обороны. Второй — ловкий, юркий, способный прокрасться куда-то незаметно или влезть в нору. Третий — маленькое летающее существо, очень полезно. Все трое популярны у метаморфов и часто берутся в числе первых форм. Бык есть и у самого Танзена — форма № 24.

Но петух?..

— Понимаете, мэтр... вы только не смейтесь, ладно? — с тревогой попросил практикант.

— Не буду, — пообещал Танзен.

— Когда я учился, мне нравилась одна девушка... фермерская дочка. Я... я стеснялся ей признаться. Но мне все равно хотелось — вы только не смейтесь!.. — хотелось проводить с ней время. А на их ферме был петух. Ее любимец. Она все время его гладила, разговаривала с ним...

— Ага... Ну все понятно. А с настоящим петухом ты что сделал?

— Да ничего. Я просто запирал его в сарае, а потом превращался и...

— Не мне тебя осуждать, — пожал плечами Танзен. — Чем закончилось?

— Да... ничем хорошим... — отвел глаза практикант. — Однажды настоящий петух как-то выбрался, прибежал... Матилка испугалась... я тоже испугался... а я был еще школяром, это была моя первая форма... Ну я и превратился обратно... нечаянно...

— И что-то мне подсказывает, что превращаться вместе с одеждой ты тогда еще не умел.

— Не умел, — стыдливо признался практикант. — Это было четыре года назад, я тогда еще ничего почти толком...

Танзен позволил себе улыбнуться. Паренек искренне верит, что теперь он умеет многое.

Но осуждать его Танзен не собирался. Сложно найти школяра, что никогда не использовал магию для чего-нибудь эдакого. Над кем-нибудь подшутить, наказать обидчика, подзаработать денег, впечатлить девушку... Если последствия не слишком серьезны, если никто не пострадал или все удалось исправить — Кустодиан ограничивается предупреждением или вообще закрывает глаза.

А вот с дипломированных волшебников спрашивается строже. Магия — штука соблазнительная, ею очень легко на-

чать злоупотреблять. Танзен и сам порой испытывал сильное искушение — а ведь он страж закона, служит в Кустодиане.

Что уж говорить о других?

Послышался шорох, и уши Танзена встали торчком. Сейчас он пребывал в форме № 15 (кистеухий фелин). Слух и обоняние фелинов куда острее человеческого, зрение тоже отличное, так что охотники они превосходные. Танзен всегда ходил в этой форме, когда кого-нибудь выслеживал.

Практикант, находившийся в своей форме № 0, ничего не услышал. Танзен крепко схватил его за предплечье, стараясь не выпустить когти.

— Дальше ни шагу, — прошептал Танзен. — Присмотрись к тому кусту.

Практикант некоторое время тщетно присматривался. Куст выглядел как обычный куст. Пышный, ярко-зеленый, с крошечными розовыми цветочками. Не почувствуй Танзен запаха, он бы не отличил его от остальных зарослей.

— Вглядишься в ауру, — посоветовал Танзен. — Пристально. Что видишь?

Практикант принялся шуриться. Похоже, по духовидению у него были не лучшие оценки.

Но в конце концов он таки узрел. Его рот и глаза изумленно округлились.

— Кто это, мэтр?! — вскрикнул он.

— Не шуми! — едва не ударил его Танзен. — Сбежит!.. Или упадет!.. Это шишечник.

Практикант сдавленно ойкнул. Ему думалось, что они охотятся на зайца, оленя или еще что-нибудь безобидное. А тут — подумать только! — шишечник!

Конечно, никуда он не сбежит. Шишечники вообще плохо бегают. Эта зверюга, похожая на гигантского панголина, охотится из засады. Чтобы замаскироваться, шишечник раздвигает чешую, забирается в самую чашу и снова сдвигает ее, защемляя кучу ветвей и листвы. Став похожим на гигантский куст, шишечник замирает в укромном месте, ждет, пока кто-нибудь подойдет поближе, и хватает своим длинным, липким, удивительно сильным языком.

Танзен не знал точно, какой длины язык шишечника. Но, судя по тому, что он их еще не схватил, — короче двадцати локтей.